

Мартин Сутер

Любовь и ярость

Fiction

Москва

УДК 821.112.2-94
ББК 84(4Шва)
С90

Martin Suter
WUT UND LIEBE

Перевод с немецкого *Татьяны Набатниковой*
Иллюстрация и дизайн обложки *Анастасии Ивановой*

Сутер, Мартин.
С90 Любовь и ярость : роман / Мартин Сутер; [пер. с нем. Т. Набатниковой]. — М. : Издательство АЗБУКА, 2026. — 320 с. — (Имена. Зарубежная проза).

ISBN 978-5-389-31958-5

Любовь, страсть, искусство, безумие — без одного не может быть другого, и лишь всё вместе образует подлинную гармонию.

Или нет?

Ной — талантливый современный художник. Он верит: еще немного — и случится его большой прорыв. Камилла же устала ждать и тянуть их обоих на скромную бухгалтерскую зарплату. Им уже тридцать. Она красивая женщина. И она хочет большего.

Решившись на разрыв, Камилла пытается отыскать новые смыслы в жизни без любви. Ной же, наоборот, готов на всё, чтобы эту любовь вернуть. Даже на крайне опасную авантюру... И как раз такая сваливается на него в баре, где Ной знакомится с состоятельной пожилой женщиной, скорбящей по покойному мужу. Ведь что есть мораль или закон перед лицом утраченной любви и пусть и призрачного шанса снова быть с женщиной своей мечты?

УДК 821.112.2-94
ББК 84(4Шва)

ISBN 978-5-389-31958-5

© 2025 by Diogenes Verlag AG, Zurich
All rights reserved

© Набатникова Т., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

— Я тебе не верю.

Ной распластался на спине, закинув руки за голову. Тонкая простыня, какой они обходились в это время года вместо одеяла, сбилась в изножье, и они оба были нагие. Камилла лежала на боку, опираясь на локоть, так близко к нему, что, если бы она пошевелилась, он ощутил бы её тугую грудь у себя в левой подмышке.

Но она не двигалась. Она разглядывала его вблизи и ждала его следующей фразы, как будто подстерегала. В её дыхании ощущалась нотка алкоголя.

Ной смотрел в потолок и сосредоточился на том, чтобы не моргать. Он недавно обнаружил, что это старание избавляет его от любых других мыслей: только бы не моргать!

— И что с того? — спросила Камилла.

— Я в это не верю, — повторил Ной.

Но это была неправда. Она всего лишь вслух произнесла то, чего он боялся уже давно.

Они были парой почти три года. Внезапной парой, как это всегда называла Камилла. Внезапной,

потому что они тогда познакомились в клубе «Ретро», куда оба пришли со своими постоянными спутниками, встретились на танцполе впервые в жизни, уже через полчаса покинули клуб вдвоём и с тех пор жили вместе.

— Посмотри на меня, — приказала она. Он повернул к ней голову и посмотрел в большие глаза, ореховый цвет которых был в крапинках золота. — Ты это видишь?

— Что?

— Спасибо, очень мило.

Она указала красным ногтем себе на внешний уголок глаза:

— Три месяца назад морщин ещё не было, так?

— Их и сейчас нет.

— Я тебе серьёзно говорю: я с тобой расстаюсь.

— Но почему?

— Потому что я больше не могу.

— Любить меня?

— Ерунда, это я могу ещё долго. Но этого недостаточно, ты понимаешь? На всю жизнь не хватит. По крайней мере, мне.

Камилла встала, вышла из комнаты и вернулась с зажжённой сигаретой.

— Ты снова стала курить?

— Вот именно. Ещё и этого не хватало, курить! А ты понимаешь, что это означает? Бессилие и покорность. Мне тридцать один год, и я сдалась. Мне тридцать один, я работаю бухгалтером и, извини уж, содержу на кормлении художника.

Камилла, казалось, сама была испугана потоком своих слов. Она стояла перед кроватью, прижимаясь

левым предплечьем к животу и опираясь на него локтем другой руки — с сигаретой.

— Да, ты только взгляни на меня. Я знаю, что хороша собой. Меня раздражают красавицы, которые делают вид, будто не знают этого про себя. Я-то знаю это уже давно. И у меня то же самое, что у других красавиц: они находят несправедливым, что сами они красивые, а жизнь у них некрасивая.

Ной видел, что у неё выступили слёзы. Он встал с кровати и обнял её. Какое-то время он прижимал к себе всхлипывающую Камиллу в их маленькой спальне и шептал ей на ухо:

— Не плачь.

И:

— Всё будет хорошо.

И у него уже начиналась эрекция.

Камилла его оттолкнула:

— Но одного этого недостаточно.

Она пошла в ванную, Ной влез в боксёрские трусы и пятнистую майку, достал из холодильника пиво и поджидал её в прихожей.

Эта квартира в старинном доме досталась им по счастливому случаю. Камилла смогла перехватить её у одной подруги, когда та переезжала к своему парню. Две комнаты на четвёртом этаже, большая старомодная кухня, чугунная ванна на львиных лапах в тесноватом для неё помещении, высокие потолки с лепниной, скрипучий паркет и витиеватые батареи отопления.

На стенах между дверьми, ведущими из прихожей в комнаты и на лестничную площадку, были развешаны его картины. Один и тот же

мотив — задний двор с липой — в разных стилях: натуралистическом, импрессионистском, кубистском, в абстрактном и поп-стиле. Эксперимент, который, как он считал, хорошо ему удался, если рассматривать его как поиск художественной концепции.

Камилла уже взяла себя в руки, когда вышла из ванной. Устранила повреждения, нанесённые слезами вокруг глаз, и подрисовала стрелки на веках.

— Давай поговорим, — сказала она и первой прошла в кухню.

Достала последнее пиво из шумного холодильника, который они уже давно собирались заменить, и они присели к кухонному столу.

— Извини, пожалуйста, — начала Камилла, — я старалась в последние дни быть предельно честной сама с собой. С тем результатом, что теперь должна быть и с тобой предельно честной. Я много размышляла о своей жизни и пришла к выводу, что эта жизнь не такая, какой я её себе представляла. К этому выводу я приходила уже и раньше. Но ещё ни разу не задавала себе вопрос, какой я её представляю себе в другом варианте. По крайней мере, до сих пор я не давала себе на это ответа. А теперь я знаю ответ. — Она сделала глоток из бутылки. — Ты хочешь его знать?

— Конечно.

Камилла помедлила лишь чуть-чуть.

— Я хочу жизнь без финансовых забот. Пусть это будет не роскошная жизнь — хотя я не возражала бы и против неё, — а такая, в которой мне не приходилось бы прикидывать, от чего мне

придётся отказаться на сей раз, чтобы позволить себе то или это. Жизнь, на которую мне не приходилось бы зарабатывать делом, которое я ненавижу...

Она замолкла, но Ной видел, что она выложила ещё не всё.

— Говори же.

Она набрала воздуха.

— Только не принимай это на свой счёт, но: зарабатывать делом, которое я ненавижу, чтобы дать кому-то возможность заниматься работой, которую он любит.

Ной кивнул потяжелевшей головой:

— Давай подождём вернисажа. Если опять будет облом, тогда я найду себе работу.

— Чтобы у обоих была работа, которую они ненавидят. И при этом жизнь всё равно не станет обеспеченной.

— Но твоя жизнь и без меня не станет обеспеченной.

— Станет.

— Как?

— Я найду себе кого-нибудь с деньгами. Пока я ещё красивая.

Камилла снова расплакалась. Ной потянулся через кухонный стол, чтобы дотронуться до её руки.

Она её отдернула.

— Я знаю, что говорю, как какая-нибудь сука. А знаешь почему?

Он молчал.

— Потому что я и есть сука.

«Синий тюльпан» находился на полпути от врачебного кабинета кардиолога Джованьоли к трамвайной остановке. Когда Бетти Хаслер вошла в него, ей стало ясно, что под «тюльпаном» подразумевался не цветок, а пивной бокал.

Она села за один из столиков, которые стояли в ряд перед длинной скамьёй с мягкой обивкой. Скамья тянулась по обе стороны помещения; большинство столиков пустовали. Пинкфloyдовский Роджер Уотерс пел про *«ещё один кирпич в стене»*. Как нарочно, именно это! Как нарочно, саундтрек к первому поцелую с Патриком, которого она с тех пор называла Патом.

Тогда шёл тысяча девятьсот восьмидесятый год, а ей тогда как раз исполнилось двадцать. Пат не был у неё первым, но стал последним.

Кельнер, одетый в чёрное и в красном фартуке до колен, спросил, чего она желает. Бетти Хаслер заказала мохито, напиток из тех давних и дивных времён.

Она не была пьющей. Если и принимала что-то алкогольное, то лишь для того, чтобы амортизировать

себя, окружить смягчающей оболочкой. Она так себя и представляла: в виде чего-то хрупкого, требующего дополнительной защиты от жёсткой действительности. Например, мягкого футляра, накачанного воздухом. После визита к кардиологу, от которого она как раз шла, эта действительность стала ещё жёстче. А сама она стала ещё более хрупкой.

Кельнер принёс на подносе два мохито. Два больших стакана со льдом и свежей мятой, из которой торчала соломинка для питья.

— Почему два? — спросила она.

— Второй вон для того господина.

Он указал подбородком в сторону молодого человека, сидящего двумя столиками дальше перед опустевшим коктейльным стаканом. Тот с интересом смотрел в их сторону.

Кельнер поставил перед ней её напиток и понёс оставшийся к другому столу. Молодой человек поднял свой стакан, символически чокаясь с ней, и Бетти ответила на его жест.

Музыкальный аппарат заиграл «*Rivers of Babylon*», тоже песню из времён их начала с Патом. Хорошая наживка, чтобы увести её мысли из настоящего времени в прошлое.

У Пата тогда был старый автобус-фольксваген, который он переоборудовал в кемпер. На нём они и отправились на свои первые летние каникулы в Грецию. Почти всё время они проводили на пляжах, чаще всего нагишом и с греческим анисовым аперитивом.

Пат учился на инженера-механика и зарабатывал себе на учёбу как шофёр такси. Он был на

три года старше, рослый, спортивный, с короткой стрижкой, что было тогда совсем не в тренде. Он был чудесным во всех отношениях.

Бетти Хаслер заказала ещё один мохито, и когда кельнер принёс его, на подносе опять стоял второй такой же. Опять для того молодого человека, который снова символически чокнулся с ней.

Снаружи было ещё светло, но внутри «Синего тюльпана» царил сумрак. Почти плотный занавес на больших окнах не впускал дневной свет, чтобы внутри как можно раньше возникало настроение, подходящее для вечернего стаканчика после работы.

Вскоре все столики были уже заняты, музыкальные хиты восьмидесятых и девяностых смешивались с аперитивным разговором людей, отработавших дневную смену. Публика в баре делилась на две категории: компании и одиночки.

Компании приходили целой группой, явно привыкшие каждый вечер завершать здесь рабочий день. В большинстве мужчины, которым приходилось оттягивать возвращение к семейной жизни, чтобы избавиться от фрустрации прошедшего дня. Одиночки сидели со своими смартфонами и пили более системно, чем компанейские, но не меньше них.

Бетти и тот молодой человек были, похоже, единственными, кто сидел тут просто так, предаваясь своим мыслям.

Бетти всегда особо выделяла красивых людей, они отличались от печальных, напуганных и исполненных ненависти. Печальные среди последних были ещё не так плохи. А теперь они ещё

и дополнительно выигрывали за счёт музыки — «*Woman in Love*»¹ Барбары Стрейзанд.

Когда-то Бетти и сама была воплощением влюбленной женщины. И оставалась ею всю свою жизнь с Патом. Не всегда телом, но душой всегда. Из любовной пары они в какой-то момент стали командой, как это происходит со многими счастливыми парами. Она создавала для него хорошо укрепленный тыл — то, в чём он нуждался всё больше. Потому что он был — и это выявлялось с годами всё отчетливее — не таким сильным, как казался. Но зато хорошим. Мягким и податливым. Из всех инстинктов, которые он пробудил в ней, материнский инстинкт становился преобладающим и всё более важным.

Молодой человек двумя столиками дальше сделал новый заказ. Кельнер кивнул ему и потом вопросительно посмотрел в её сторону. Что бы это ни значило, подумала она и подтверждающе кивнула. Когда кельнер явился с двумя напитками, она велела поставить их оба на её стол и попросила его пригласить к ней того второго любителя мохито.

Кельнер посмотрел на неё ошеломлённо, как будто не предполагал в ней такой высокой степени экстравертности, и шагнул к другому столу.

И всё же, всё же она всегда была экстравертом. Больше, чем могла показать это с Патом, сдержанность которого часто граничила с робостью. И который сейчас, например, устыдился бы за себя и за неё.

¹ «Влюбленная женщина» (англ.).

Она видела, с каким удивлением отреагировал молодой человек, однако с улыбкой встал и подошёл к её столу.

— Присядьте же на минутку, — потребовала от него Бетти. Он подчинился, и они пожали друг другу руки.

— Ной Бах, — представился тот.

— Бетти Хаслер. Я полагаю, не следует пить в одиночку. Тем более одинаковые напитки.

— Пожалуй, вы правы, — ответил он и передал ведение беседы ей в руки. В конце концов, ведь это она попросила его к себе за стол.

Для Бетти это никогда не было проблемой. Она обладала талантом заставлять людей, которых раньше даже не видела, говорить такие вещи, которые те вовсе не собирались высказывать. Её фокус состоял в том, что она ошарашивала их прямой. Это срабатывало почти всегда.

— Почему вы решили сегодня напиться, Ной? — спросила она.

Поскольку ответил он не сразу, она добавила:

— А я вам потом скажу, почему это делаю я.

Она подняла стакан, и они чокнулись.

— Любовная тоска, — сказал он. — А вы?

— Тоже любовная тоска.

— Одинаковый напиток, одинаковая тоска.

— Есть много разных видов любовной муки. В вашем возрасте классическая: она больше не любит.

— Нет. Она ещё любит меня. Но она больше не любит нашу жизнь. Вернее так: она её больше не выдерживает.

Бетти смотрела на него, выжидая объяснений.

— Она считает, что я никогда не смогу предложить ей ту жизнь, на которую она надеялась.

— И в этом она права?

Он пожал плечами:

— Я не ожидал от неё такого отношения.

— И на что вы живёте?

Ной немного смутился.

— Понимаю, — сказала Бетти.

Он запротестовал:

— Но это лишь временно. Потом я её сменю.

Бетти только улыбнулась.

— А теперь вы. Какая у вас тоска любви?

— Мой муж умер.

— О. Мне очень жаль. Недавно?

— Да. Года три с небольшим. Если вам кажется, что это давно, вы ошибаетесь. Это всегда будет «недавно».

— Понимаю.

— Нет. Вам не понять, и я не желаю вам это понимать. Возьмём ещё по одному?

— Лучше нет, — ответил Ной.

— Я угощаю.

— Тогда с удовольствием, спасибо.

— Так и продолжим с мохито? Или хотите что-нибудь другое для разнообразия?

— Например?

— Коктейль «Куба либре».

— Годится.

Пока они ждали свои напитки, их голоса отдохнули.

Уровень шума в «Синем тюльпане» так поднялся, что им пришлось повысить громкость своего

разговора больше, чем было соразмерно содержанию. За некоторыми столами посетители теснились на скамье, а к другой стороне стола придвинули свободные стулья от других столов.

Кельнер принёс два «Куба либре», декорированные ломтиками лайма. Они чокнулись.

— Я никогда не бывала на Кубе, — сказала Бетти скорее себе, чем Ною.

— Я тоже не был, — ответил он.

— Но вы ещё успеете, вы молодой.

— Тридцать три.

— На тридцать с лишним лет моложе.

— Шестьдесят пять нынче тоже не возраст.

— Если есть здоровье.

— А у вас нет?

Вместо ответа Бетти сделала глоток.

Ной смотрел на неё и думал, не спросить ли у неё разрешения написать её портрет. Продолговатое, узкое лицо, гордая осанка, большие, затуманенные глаза, в этом свете неопределимого цвета — она выглядела уже как написанная. Только меланхолию, окружавшую её, было трудно уловить.

Он задал вопрос, который не решился бы задать без напитка:

— Как умер ваш муж?

— Он был убит.

Ответ последовал так быстро и был исполнен такой ненависти, что Ной содрогнулся.

— Убит?

— Да. Мучительно, жестоко, медленно.

— И кто же это сделал, ради всего святого?

— Петер В. Цаугг.

Ной ждал разъяснений, но Бетти снова вернулась к своему напитку и поднесла его к губам. Сделала два-три глотка — как лекарство, которое ей приходилось принимать.

Это имя, Петер В. Цаугг, было знакомо Ною. То был коллекционер. Не крупный, но, если бы он купил картины Ноя, Камилле больше не пришлось бы работать бухгалтером.

— Вы знаете, кто это?

— Коллекционер искусства, не так ли?

— Ха! Он — и коллекционер? Ну, купит иногда картину, чтобы позадаваться. Но в искусстве ничего не смыслит. Как и во многом остальном.

— Я думал, он успешный бизнес-консультант?

— Не он. Это «Цаугг & партнёры» — действительно успешный бизнес-консалтинг. И не благодаря ему. Угадайте с трёх раз, благодаря кому.

— Вашему мужу?

— Вот именно.

— И тот его действительно убил? — спросил Ной, которому теперь стало ясно, что это, может быть, не надо понимать буквально. — Но почему?

— Потому что больше не нуждался в нём.

— И как он его убил?

— Так, как это делают в его кругах. Он его эксплуатировал, изматывал, обманывал, изводил, поднимал на смех и бессовестно использовал его скромность.

— То есть, значит, не буквально убил.

— Нет, для этого он слишком труслив. Он выбрал куда худшие методы. Подлые.

Они не заметили, как к ним подошёл кельнер.

— Не хотите ли что-нибудь съесть? — спросил он.

В «Синем тюльпане» стало уже спокойнее. Те посетители, что были после смены, уже разошлись по домам, и за многими столами принялись за еду.

Кельнер протянул им меню с закусками.

Бетти заметила нерешительность Ноя.

— Я закажу. А вы мой гость.

— Спасибо. В моей профессии заведено принимать такие приглашения.

Он взял меню, окинул его взглядом и отложил.

— Вы здесь часто бываете? — спросила Бетти.

— Я тут живу неподалёку. — И горько уточнил: — Жил.

Бетти не обратила на это внимания.

— И можете что-то порекомендовать?

— Гамбургеры тут сносные.

— А смешанный салат?

— Вероятно, тоже неплох.

Кельнер принял у них заказ. Как только он отошёл за пределы слышимости, Ной спросил:

— И что же сейчас с боссом вашего мужа?

— Он жив и здоров.

Она сделала гневный глоток.

«Синий тюльпан» опустел, лишь несколько столиков оставались заняты. Заведение не было обеденным, еда здесь служила скорее поводом для коктейлей, столовых вин, послеобеденного дижестива и медленного накачивания алкоголем.

Голоса стали тише, и слегка взвинченная музыка создавала правильный звуковой фон для доверительных вечерних разговоров.

Кельнер убрал их недоеденные тарелки и принёс бутылку шампанского, которую Бетти непременно пожелала заказать.

— Это освежает после плохой еды, и в нём меньше алкоголя, — сказала она.

Они смотрели, как официант откупоривал их бутылку. Было заметно, что в этом у него нет опыта.

Бетти пригубила шампанское.

— Тёплое, — сказала она.

— Отнести ещё немного охладить? — спросил кельнер.

— Это будет слишком долго, принесите кубики льда.

Она смотрела ему вслед, укоризненно качая головой:

— Пат считал большим грехом лёд в шампанском! — Она нежно улыбнулась своему воспоминанию: — Пат...

Кельнер принёс лёд и хотел бросить кубик в бокал Бетти.

Она взяла у него из рук щипцы и медленно погрузила лёд в бокал. Шампанское вспенилось, и только когда пузырьки полопались, она выпустила кубик из щипцов.

— Вот так это делается. Иначе вспенится через край.

Кельнер обиженно удалился.

— И как давно ваш муж работал у «Цаугг & партнёры»?

— С самого начала. Когда фирма ещё называлась «Хаслер & Цаугг», по именам двух основателей, в алфавитном порядке. — Она сделала паузу. — И по их значению!

Бетти погрузила кубик льда и в бокал Ноя.

— А почему и как название поменяли?

— К ним добавился младший партнёр, и Цаугг немедленно пришёл к идее назваться «Цаугг & партнёры». Якобы из-за длины фамилий.

Ной посмотрел на неё.

— Я знаю, о чём вы хотите спросить. Ответ будет такой: потому что Пат не мог настоять на своём. Он был слишком уступчив. А Цаугг наоборот.

Она осушила свой бокал и хотела долить себе. Ной забрал у неё бутылку и сделал это сам.

— Вскоре после переименования Цаугг убедил моего мужа, что, поскольку фирма носила его имя, он теперь должен иметь маленький перевес голосов. Пат поддался и на это. И с тех пор всё решал уже только Цаугг. Пат тянул на себе всю лавочку, а Цаугг изображал босса и снимал сливки. Свинья такая.

Она отпила глоток.

— И как долго ваш муж сносил это?

— Тридцать восемь лет, — прошипела Бетти. — До своего третьего инфаркта. В шестьдесят пять лет. Упокоение вместо ухода на покой.

— Третьего?

— Первые два он пережил. И, конечно, оба раза слишком рано опять возвращался к работе.

— А почему, Бога ради?

Громкость ответа Бетти перекрыла музыку, а любовная парочка через три стола повернула к ним головы.

— Потому что Цаугг без него оказывался в полной заднице! В полной!

Ной снова задал вопрос, который не задал бы трезвым:

— Почему же тогда Цаугг стремился его погубить, если так нуждался в нём?

— Он хотел его лишь заклевать, потому что Пат интеллектуально превосходил его. Убить его он захотел только тогда, когда решил продать лавочку. Потому что на это по-прежнему требовалось согласие Пата. Пока он был жив.

Ной кивнул:

— Понятно.

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Сутер Мартин
ЛЮБОВЬ И ЯРОСТЬ

Ответственный редактор *Д. Захарченко*
Художественный редактор *А. Иванова*
Технический редактор *Л. Сеницына*
Корректоры *О. Гуменникова, А. Магрилова*
Компьютерная вёрстка *С. Иванова*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 17.06.2026.

Формат 84×108 $\frac{1}{32}$. Гарнитура «Spectral».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44.

Тираж 2000 экз. Т-ИЗР-41244-01-Р. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА»	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68,	Мало-Охтинский даңғылы, 68 ғимарат,
БЦ «Регул», 2-й этаж	Регул бизнес орталығы, 2-қабат
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

